

**Средство связи и сообщение: циркуляция и имбрикация
смысла***

М. Костантини
ПАРИЖ

Юрию Степанову

Как, когда едва его знал (две-три несомненно насыщенные, но относительно краткие встречи), когда едва его читал (несколько с трудом расшифрованных с русского фрагментов его книг и статей [Библ. 1 и 2] – одну статью на французском, вышедшую почти сорок лет назад [Библ. 3]), даже если издашь его в переводе (который должен выйти в сборнике, имеющем целью серьезное продвижение и дальнейшее налаживание франко-российского семиотического диалога [Библ. 4]), как отдать должное Юрию – зовите меня Жоржем, подсказывал он мне, – Степанову, даже если желание сделать это подогреваемо *теплотой* этих физических встреч, *важностью* встреч теоретических? Думаю, на этот вопрос я должен ответить, продолжая те соображения, которые я имел возможность представить на конференции, состоявшейся в Москве в честь его 80-летия [Библ. 5], и, намечая путь, который, далее, ведет к развитию некоторых идей Юрия Степанова, таких какими они находят свое выражение в трех статьях указанного выше сборника [Библ. 6, 7, 8].

Предпринятое исследование

Пусковым фактором моего поиска стало, как и полагается, согласно доброй проповедской традиции, ощущение недостатка, глубокая неудовлетворенность, в которую меня повергала, как и многих других, причем не только семиотиков, якобсоновская *вульгата* «схемы коммуникации», и хуже того, исходная формулировка, которая и породила это ощущение. Не останавливаясь на ней вновь, как всё же не вспомнить, что эта формулировка явным и тесным

* Пер. с фр. Э. Дейнека, далее – Э.Д.

образом связана с отношениями, которые на тот момент (в 1958 году, а в переводе на французский язык – с 1963) уже более десяти лет Роман Якобсон поддерживал с информатиками¹ и кибернетиками², даже если ссылка на Шеннона и Вивера не фигурирует в явном виде в *Лингвистике и поэтике*, где основной аргумент базируется на схеме этих специалистов по информатике? И как не удивиться началу статьи Юрия Степанова 1971 года, которая настаивает на большой близости, комплементарности этих двух дисциплин, семиотики и кибернетики?

Понятие *изотропизма*, несмотря на то, что оно создавалось специально для соединения схемы коммуникации по Шеннону и Виверу с семиотическим смыслом доминанты Якобсона, представляет собой локальный пример глобальной проблемы, представленной в формулировке Юрия Степанова следующим образом: «семиотика ... развивается на перекрестке других наук». Далее, тем самым, подчеркивается стыковочное положение семиотики и кибернетики.

Таким образом, мне представился случай наметить принципы исследования и начать разрабатывать направление, основывающееся на принципе «системы» «схемы факторов» Якобсона, различая при этом два типа метадискурса

¹ Вот что заявляет по этому поводу Клод Леви-Стросс, отвечая на вопрос о некоторых влияниях, которые могли бы объяснить перелом в его творчестве, начиная с «Введения к трудам Марселя Мосса» (1950). Он оспаривает подобное прочтение («Я не вполне вижу это изменение или перелом»), но добавляет, вместе с тем, анекдотичный и решающий для нас факт: «Зато Якобсон посещал лаборатории Телефонной компании Белла, где совершенствовались машины, предназначенные для анализа звуков языка, которые сыграли свою роль в теории коммуникации. Он держал меня в курсе» («1963–2003: антропология перед лицом философии. Интервью Марселя Энаффа с Клодом Леви-Строссом», *Эспри*, январь 2004, с. 94). С другой стороны, мы знаем, что автор статьи «Математическая теория коммуникаций» (1948), Клод Шеннон являлся видным исследователем в лабораториях Белла и что ссылка на книгу с тем же названием (написанную совместно с Уорреном Вивером в 1949 г.) играет заметную роль в знаменитой статье Якобсона «Лингвистика и теория коммуникации», которая во французском переводе превратилась в пятую главу его *Опытов по общей лингвистике* (с. 87–88, 95–96).

² Весной 1948 года Якобсон лично участвует в пятой конференции Маси (от названия учреждения, занимавшегося организацией встреч ученых высокого уровня, – встречи, в ходе которых, с 1942 по 1956 годы, должны были, в той или иной мере, зародиться также кибернетика и науки об информации, равно как и когнитивные науки). Данная конференция была посвящена, в основном, вопросам структуры языка, но помимо этого, в той же статье «Лингвистика и теория коммуникации», Якобсон подробно цитирует восьмую конференцию, посвященную кибернетике, в частности позиции Дональда М. МакКея по поводу понятия «предвзятых возможностей» (или «предуготованных представлений»). Якобсон подчеркивает данное сближение: «Лингвистика не говорит иного» (стр. 90 в *Опытах по общей лингвистике*, см. с. 31–32 в статье 1952 года «Общий язык лингвистов и антропологов»).

(две разновидности доминанты). В первую очередь тот, который посвящен процессам и неустанно их разрабатывает – в этом случае изотропизм будет называться *метасемиотическим метапроцессуального типа*: чтобы избежать языковых примеров и подчеркнуть, что мы говорим об общей семиотике, приведем на правах иллюстрации серию из пятидесяти восьми *Менин* Пикассо. Во вторую очередь тот, который посвящен системе и исследует и комментирует тот или иной ее аспект (скажем, Рой Лихтенштейн, перерабатывавший и обогащавший коды Мондриана¹), тогда изотропизм будет называться *метасемиотическим метасистемного типа* [Библ. 9].

В этом отношении, семиотик находился в ситуации двойственного выбора, как Геракл перед гермесом², повергающим его в задумчивость; или, в русском варианте, как задумчивый богатырь на распутье (согласно названию знаменитой картины Виктора Васнецова), перед валуном с надписью – слева каменная пустошь, справа человеческие кости³ – таким образом, поиски долж-

¹ V. Jean-Marie Klinkenberg, *Précis de sémiotique générale*, «Culture et communication», De Boeck Université, Bruxelles, 1996, p. 43.

² *Прим. пер.*: Герма (от греч. ἕρμα подпора, столб) – каменный, как правило четырехгранный, столбик, первоначально увенчанный головой бога Гермеса (отсюда этимология термина), устанавливавшийся в Древней Греции и Древнем Риме на перекрестках дорог и выполнявший функцию межевого знака.

³ *Прим. и коммент. пер.*: «Геракл на распутье» (или «Геркулес на распутье», а также: «Выбор Геракла») – мифическая история 5 века до н.э., приписываемая древнегреческому софисту Продику, дошедшая в пересказе Сократа и записанная Ксенофонтom («Воспоминания о Сократе», II, 1, 21–34); аллегорически олицетворяет проблему выбора одного из двух вариантов жизненного пути, предложенных, согласно легенде, юному Гераклу нимфами по имени Добродетель (греч. ἀρετή) и Порочность (греч. Κακία). После длительных колебаний между легкой и полной наслаждений жизнью, с одной стороны, и трудной, полной борьбы и лишений, но обещающей посмертную славу судьбой, с другой стороны, Геракл в итоге выбирает последнюю. Сюжет неоднократно воссоздавался в западноевропейской живописи художниками эпохи Возрождения и Барокко, иногда изображавшими Добродетель в образе Афины или Минервы, а Порочность в облики Афродиты или Венеры, соответственно. «Витязь на распутье» – картина В.М. Васнецова, написанная в 1882 году на основе былины «Илья Муромец и разбойники», в которой есть слова, аналогичные надписи на валуне-вешуне, изображенном В. Васнецовым («Как пряму ехати – живу не бывати – нет пути ни прохожему, ни проезжому, ни пролетному»; продолжение надписи «направу ехати – женату быти; налеву ехати – богату быти», по признанию самого художника, он «спрятал под мох и стер часть»): «Мне направо идти – богату быть / Мне налево идти – женату быть / Мне направо идти – убиту быть» (*Песни, собранные П.В. Киреевским*. – Вып. 1–4. – М., 1860–1862. – С. 17–18. Записано в Симбирской губ.). Данное метафорическое сопоставление сюжета античной легенды в западноевропейской литературно-живописной традиции с былинным сюжетом в славянско-

ны были продолжиться, на выбор, в одном из двух направлений: либо в сторону углубления данного первого отношения между фактором коммуникации и изотропизмом значения, либо в сторону открытия нового пути на основе этого второго фактора, амбициозный проект чего заключался принципиально в том, чтобы углубить разработку всех шести путей, потенциально открываемых шестью факторами исходной схемы (первой яacobсоновской, напомню, схемы, включающей факторы, а не функции). Этот последний путь я и попытался проложить в различных местах: еще давно, когда моя забота состояла в том, чтобы расчистить дорогу путем критики злоупотребления «фатическим» – ярлык, нацеплявшийся не к месту и не ко времени, вплоть до того, что этот термин стал вообще бесполезным [Библ. 10]; затем, совсем недавно, я изложил в общих чертах то, что, напротив, было сделано в данном направлении – разработка самого понятия, в его конкретном применении к семиотической коммуникации между новорожденным и его матерью [Библ. 11].

Если путь, указанный Иваном Дарро, доходящим до высказываний об эмиссии некой обонятельной подписи (со стороны высказывающего, в данном случае новорожденного) и образовании «обонятельной карты материнского тела» и комплекса операций, позволяющих установить получателя высказывания (в данном случае матери) в качестве «уникального коммуникативного партнера, хорошо отличимого от других», может остаться предметом различных интерпретаций с точки зрения схемы коммуникации – в случае, когда описанные телесные отношения могут оказаться связаны с чем-то иным, нежели чисто «фатическое», – то из-за этого, на мой взгляд, речь не идет об умалении успеха, достигнутого на пути формирования этосемиотики.

русской художественной традиции, применительно к положению французских семиотиков, современников Р. Яacobсона, особенно примечательно в контексте разрабатывавшейся Ю.С. Степановым концепции *культурных констант*, а также в рамках теории Ю.М. Лотмана о культурах бинарного и тернарного типа. Так, при общем сходстве морального содержания (проблема выбора между добродетелью и пороком) и образно-художественных реализаций приведенных сюжетов (символика перекрестка), вне зависимости от вариативности их изложения в различных культурно-исторических контекстах, прослеживается, по меньшей мере, одно существенное формальное различие: дихотомически представленные варианты выбора в западноевропейской традиции (добродетель / порок) и их условно трихотомическое деление в славянской традиции (обогащение / женитьба / смерть; или утрата коня / утрата головы / утрата коня и головы; или смерть / утрата коня / обретение счастья; или утрата коня / смерть / самозабвение и другие), при котором два варианта оказываются в моральном отношении тавтологичными, а третий представляет собой условно «правильный» выбор (могущий оказаться как спасительным, так и губительным, в зависимости от конкретной реализации сюжета), причем этот последний выбор неизменно связан с выбором «прямой дороги» – выбором, который принципиально отсутствует как таковой в антично-западноевропейском варианте сюжета (здесь аналогом «прямой дороги» является «правый путь» добродетели).

Однако Иван Дарро идет дальше, различая три стадии, называемые протофатической, фатической и метафатической. Мы же видим, как минимум, что различие метафатического уровня открывает просвет для любого необходимого изменения (с точки зрения общей семиотики, а не с точки зрения лингвистической критики) схемы Jakobson. Вводя метафатическое измерение, Иван Дарро дает возможность видеть яснее и открывает некоторые перспективы в направлении установления отношения между шестью мыслимыми изотропизмами, поскольку, коротко говоря, он вводит в фатический комплекс фрагмент метасемиотического изотропизма.

Сообщение, канал и носитель

Однако естественным представляется открытие также другого пути дальнейшей разработки – фактора «канал», носителя сообщения, соотносящегося с двумя разными точками зрения: с одной стороны, в качестве носителя *сообщения* в коммуникативном акте, а с другой стороны, в качестве *носителя* данного сообщения; если я сделаю акцент на аспекте «сообщение», я буду заниматься изучением канала при помощи семиотических инструментов; если же я сделаю акцент на аспекте «носитель», я должен буду сменить инструментарий. В настоящее время, во Франции, существует молодая дисциплина, интересующаяся как раз этим последним аспектом канала, – медиология, которая уже выразила и продолжает себя выражать, в частности, посредством *Cahiers de médiologie*, *Медиологические тетради* (с 1996 по 2004) и *Medium*, *СредствоСвязи* (начиная с 2004).

С появлением медиологии открывается целый раздел исследований по передаче смысла, который не может не интересовать семиотику, более того, не может не вносить свою лепту в методологию семиотического рассуждения. Мы бы хотели привести здесь два примера, совершенно различных, которые показывают своим различием богатство медиологического подхода и его возможную роль в предприятии общей семиотики. В первом примере рассматривается часть *медиаферы* (определяемой как «среда исторически детерминированной культурной трансмиссии»), состоящая из транспортных средств; и поскольку речь идет об изучении исторически детерминированной среды, мы будем говорить об этом канале середины XIX века, используя данные примечательного исследования, очень краткого, но показательного, выполненного Робером Дамьеном по материалам работ Пьера Жозефа Прудона, в частности его сочинения *De la concurrence entre les chemins de fer et les voies navigables* (О конкуренции железнодорожных и водных путей сообщения – *пер. Э.Д.*), датированного 1854 годом [Библ. 12].

В качестве средств, способных создавать искусственное движение, в том числе усиливая движение естественное, поезда, равно как и велосипед, и автомобиль, связаны с физикой и ее различными разделами (сборка материалов, механика, динамика и так далее). В качестве транспортных средств эти же устройства связаны с историей и социологией, во всех их вариантах и со всеми их усовершенствованиями. Приведем одну лишь цитату – историка, который упоминает эти средства, в цитируемом отрывке, еще между XV и XVIII веками, и следовательно, до появления поезда, а затем автомобиля и самолета

[Библ. 13: 224]: «Разные виды транспортных средств и способов передвижения предназначены для различных категорий путешествий, и они определяют различные виды социальности». Отсюда видно, что мы наблюдаем различные пласты, различные слои, составляющие данный канал, и что эти различные наблюдаемые пласты являются интегративными: уровень машины интегрирован в уровень социального, а он сам интегрирован в уровень трансмиссии, о чем с очевидностью свидетельствуют рассказы о путешествиях – отчеты о командировках, воспоминания о случайных и вынужденных поездках, придуманные истории, литературные повествования и так далее, из чего можно извлечь, по меньшей мере, следующую квинтэссенцию [Библ. 13: 224]: «Пешком, на лошади и в машине живется по-разному; люди, пейзажи и вещи *видятся не одинаковым образом*» (выделено мной. – М.К.). И этот третий уровень, связанный с медиологией, естественным образом интегрируется, поскольку он уже обладает смыслом, в четвертый – точку зрения, в точности специализированную на смысле – который является уровнем, или точкой зрения, семиотическим (Степанов: «семиотика – наука о знаковых системах», Библ. 6: 45; «семиотика – наука о знаковых системах в природе и обществе», Библ. 3: 26).

Конкретно, речь может идти о *парадигматической* организации нового канала, связанного, в сравнительной перспективе, со средствами, которые отныне расцениваются как старые (дорога, водные пути): этот канал будет тогда рассматриваться как текст, дифференциальными категориями которого – вследствие чего поезд дисквалифицирует использование дороги или рек (в свое время) – являются «скорость, точность, регулярность, постоянство, частота» (Прудон, Библ. 12: 92); отметим, что эти же категории работают и в литературе – скорость понимается, например, как пунктуационная экономия или ее отсутствие, длина периодов или краткость фраз, или же сокращения, аббревиатуры, перифразы и так далее; точность ценится в терминах лексики или также в зависимости от разнообразия используемых сочинительных оборотов, нюансов, которые их вариации вводят в логику текста; в качестве регулярности и постоянства может выступать разнообразие изотопий или какого-либо элемента, группы фигуративных элементов, в том числе частота встречаемости «нагруженных» выражений или тропов и так далее. Речь может идти также об уровне реализуемой *синтагматики*, определяющих интересубъективных значимостей, как и многие соответствующие производные ее физической природы: Прудон характеризует железную дорогу как «гуманитарную, космополитичную и децентрализующую»; наконец, речь может идти о ее *прагматической* силе, влиянии на окружающие природу и общество: «она стирает и нивелирует все неравенства местоположения и климата, и не делает никакого различия между затерянной в степи деревней и мануфактурным центром, величественно восседающим над реками» [Прудон, Библ. 12: 91].

Здесь мы видим, что на уровне носителя сообщения (например, железная дорога представляет собой агента по передаче почтового отправления так же, как до нее им была почтовая карета, а после нее – самолет) медиология, основанная на сравнительной исторической социологии (если можно таким образом назвать, забегая вперед и не вдаваясь в тонкости, дискурс Прудона) и заменяемая семиотикой, обнаруживает настоящее значение в самом носителе, более того – настоящую значащую структуру (поддающуюся анализу, как бы

ло сказано ранее, в терминах семантики, синтаксиса и прагматики). Но при этом, речь идет лишь об *одном* из уровней толщины канала (подобно тому, как смысл складывается из пластов). Отсюда – мое последнее положение.

Сфольятелла

Это пирожное родом из Амальфи – слойка с рикоттой, корицей, джемом из апельсиновых корок и гидролатом апельсина – одно из лучших пирожных, какие только можно изготовить, но у него есть еще одно достоинство: оно нам напоминает о том, что смысл (а не только языковая деятельность) должен осознаваться во всей его толщине – толщине, артикулированной (или артикулируемой путем анализа) на разных уровнях (мы только что видели вариант с четырьмя уровнями), между которыми может устанавливаться множество связей (одна из сложностей семиотики была и по-прежнему, в каком-то смысле, остается связанной с вопросом о так называемой конверсии, которая ставит «проблему перехода с одного уровня на другой и проблему процедур, которые необходимо применить для осуществления таких конверсий», Библ. 14, см. *Конверсия*). К смыслу, собственно говоря, относится то же самое, что Паоло Фаббри [Библ. 15: 63] говорил о языке: «Язык – это своего рода очень сложный “слоеный пирог” из самых различных элементов, знаков и значимостей».

Сочинение итальянского романиста сицилийского происхождения Андреа Камиллери, связанное с его *lectio doctoralis* по случаю присвоения ему докторской степени *honoris causa* в университете города Аквила в мае 2007 года [Библ. 16], предоставит нам фрагменты корпуса, призванные проиллюстрировать толщину слоистости смысла, как раз в отношении фактора «канал». Как показывает подзаголовок книги, фундаментальным, можно сказать перво-степенным, вопросом, поскольку он относится к фактическому материалу, на основе которого была создана книга, являются пиццаини (*pizzini*) главы сицилийской мафии, Главаря Главарей, Бернардо Провенцано, находившегося в бегах (на протяжении сорока трех лет!). «Пиццаину» («*pizzinu*», как говорят по-сицилийски) определяется (см. Библ. 16, вхождение «пиццаино») как «небольшой листок бумаги, содержащий короткое письменное сообщение». Как видно, мы тут же оказываемся в слоистом пространстве передачи сообщения: то, что передает сообщение, в данном случае, – это письмо (один слой), в более материальном отношении – это бумага и чернила (еще один слой), а также передающий этот листок бумаги человек, его тело в движении (третий слой); то, что передает сообщение, – это также материальный аспект избранного канала, скорее пишущая машинка, чем рука (еще один уровень слоя «письмо»).

Камиллери посвящает один из *пунктов* своей «азбуки Мафии» (подзаголовок книги во французском переводе) этим пяти электрическим и механическим пишущим машинкам, которыми пользовался Провенцано, и задается вопросом: почему именно такой канал? Он дает два возможных ответа, впрочем, взаимодополняющих, которые также являются результатом сравнительного подхода. Первый ответ заключается в том, что письмо от руки выдает ошибки (в частности орфографические), тогда как при печатном письме их всегда можно отнести (и заставить воспринимать как таковые) на счет пишущей машинки, и инициатор процесса высказывания (в данном случае Провенцано,

рассматриваемый здесь как «полубезграмотный») всегда может «заставить предполагать, что его грамматические ошибки являются опечатками» [Библ. 16: 96]. А особенно, и это вторая выдвигаемая причина, в отличие от авторучки и письма от руки, которое «в конце концов выдает чувства, которые движут пишущим», пишущая машинка обеспечивает определенную «обезличенность», определенную абстракцию инициатора процесса высказывания, и эта черта как нельзя лучше подходит концепции власти, в частности выражаемой посредством коммуникации и проявляющейся в коммуникации, у Провенцано, как раз соответствуя его концепции главаря. Значение носителя, таким образом, состоит уже не в его коллективном масштабе (как мы только что видели применительно к железной дороге), но соответствует его индивидуальной значимости: происходит переход от социолекта к идиолекту, в плоскости этого простого средства связи для передачи информации, переход от канала к коммуникации.

Но это еще не всё. Грамматические ошибки становятся *фирменным знаком* в intersубъективном обмене между неким Я и неким ТЫ (*главарем* и его корреспондентами, которые отвечают ему посредством того же канала), они становятся маркой обезличенного МЫ-истинного, знаком причастности пишущего группе членов клана. Доказательство тому – смачный анекдот, рассказанный Камиллери в разделе «Грамматические ошибки» [Библ. 16: 72–74], в котором мафиозный подручный инструктирует своего сына насчет того, как наилучшим образом писать *пиццино* для Провенцано [Библ. 16: 72]. Нужно бороться с грамматикой, или скорее против грамматики, чтобы, например, умышленно неправильно проспрягать какой-нибудь глагол, неверно построить фразу и так далее. Преследуемая цель? никоим образом речь не идет о коде, а о том, чтобы оставаться в унисоне с тем регулярно допускающим ошибки автором письма, коим является *Главарь Главарей*. Здесь вновь Камиллери предлагает два соответствующих обоснования: знак уважения (смешанный, разумеется, со страхом: не выставлять свою ученость перед тем, кто менее образован, более невежествен, но остается, тем не менее, безжалостным и непрерываемым главарем), который защищает Я перед лицом ТЫ, а также попытка утвердить принадлежность к сообществу посредством общности канала и его особенностей, что становится «знаком принадлежности», конструированием некоего МЫ, признаваемого в *koinè dialektos*, общем языке, если угодно, но это выражение также означает по-гречески – очень подходящая интерпретация в нашем случае – «общий разговор» [Библ. 16: 74]. Здесь еще один слой канала обладает смыслом, внося свой вклад в обеспечение надлежащего функционирования коммуникации.

* * *

На правах предварительного заключения, мы, таким образом, указываем на то, что когда мы задаемся целью углубить анализ фактора *канал*, нам приходится рассматривать многочисленные страты смысла и многочисленные способы производства смысла: артикулирование различных страт (слоев или уровней) и различных способов продукции смысла, что представляется основной задачей, – именно это артикулирование позволит лучше осмыслить отно-

шение между средством связи (материальным средством передачи информации – разумеется, но которое как раз насыщено множественными значениями, привязанными к полюсам процесса высказывания) и сообщением (форма которого может, согласно излишне радикальному и давно переформулированному высказыванию Маршалла МакЛуана, определяться именно средством связи). А также – отношение между средством связи и референтом, если осмелиться углубить положение Августина из Гиппона о том, что корабль, воспринимаемый как транспортное средство, есть *вещь*, но если его вид напоминает христианину о возвращении к Богу, эта вещь становится *знаком*. Как минимум, двойственность канала (или средства связи) приводит нас к одному из сильных утверждений Юрия Степанова о тех эволюционных рядах, которые состояются из вещей, тех эволюционных рядах, которые состояются из концептов, и о том сквозном соответствии между ними, которого требуют эти специфические ряды, которые он называет «эволюционными семиотическими рядами» [Библ. б].

Библиография

1. Степанов Ю.С. **Концепты: тонкая плёнка цивилизации.** – М.: Языки славянских культур, 2007.
2. Степанов Ю.С. Париж – Москва, весной и утром. Предисловие // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с франц. и португ. / Общ. ред. и вступ. ст. П. Серьо; предисл. Ю.С. Степанова. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 3–11.
3. **Youri Stepanov.** Qu'est-ce que la sémiotique ?, *Recherches internationales à la lumière du marxisme*, 1974. n° 81, pp. 38-42.
4. **Michel Costantini (dir.)** *GLISSEMENTS, DÉCENTREMENTS, DÉPLACEMENT* Pour un dialogue sémiotique franco-russe, Presses Universitaires de Vincennes, Saint-Denis, 2013 (готовится к изданию).
5. **Мишель Костантини.** Семиотика и коммуникация: о понятии изотропия // Под знаком «Мета». Материалы конференции «Языки и метаязыки в пространстве культуры в Институте языкознания РАН 14–16 марта 2011 г. / Под ред. Ю.С. Степанова, В.В. Феценко, Е.М. Князевой, С.Ю. Бочавер – М.; Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Издательство «Эйдос»), 2011 – С. 134–143.
6. **Iuri Sergueevich Stepanov.** Sémiotique des concepts, tr. fr. de **Семиотика концептов** // **Семиотика:** Антология / Сост. Ю.С. Степанов. М., 2001. – С. 603–612. См.: Библ. 4, с. 41–48.
7. **Vladimir Feschenko.** Qu'est-ce qu'un concept ? Sergueï Askoldov, Yuri Stepanov et la sémiotique conceptuelle en Russie – см. Библ. 4, с. 77–88.
8. **Evelina Deyneka.** Du concept de série chez J. Tynianov et J. Lotman à la 'série sémiotique d'évolution' dans une sémiotique des concepts de J. Stepanov – см. Библ. 4, с. 229–238.
9. **Michel Costantini.** Semiótica de la comunicación, *Razón y Palabra, revista electrónica* (México), n°38, IX, avril-mai 2004, **SEMIÓTICA E INFORMÁTICA: UNA NUEVA ALIANZA.** <http://www.cem.itesm.mx/dacs/publicaciones/logos/antiores/n38/mcostantini.html>.

10. **Michel Costantini.** Recrus de phatique, *VISIO*, III, 2, 1998, **Histoire de l'art et sémiotique**, pp. 69–75.
11. **Michel Costantini.** Tropismes du phatique, in AA.VV. *Formes du sujet. Hommage à Ivan Darrault*, Lambert-Lucas, Limoges, 2012 (готовится к изданию).
12. **Robert Damien.** Proudhon et les chemins de fer, *MédiuM*, 1, automne 2004, pp. 88–97.
13. **Daniel Roche.** *Humeurs vagabondes. De la circulation des hommes et de l'utilité des voyages*, Fayard, Paris, 2003.
14. **Algirdas Julien Greimas & Joseph Courtés.** *Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage*, Hachette Université, Paris, 1979.
15. **Paolo Fabbri.** *La svolta semiotica*, n. ed., Lezione italiane, Laterza, Bari, 2001. Tr. fr. de Nathalie Roelens, *Le tournant sémiotique*, «Forme et sens», Hermès / Lavoisier, Paris, 2008.
16. **Andrea Camilleri.** *Voi non sapete. Gli amici, i nemici, la mafia, il mondo nei pizzini di Bernardo Provenzano*, Mondadori, Milano, 2007. Tr. fr. de Dominique Vittoz, Fayard, Paris, 2009.